жения его общественно-политических взглядов. Этими возможностями Клушин в первую очередь и воспользовался. Оригиналом для перевода послужило французское издание пьесы 1802 г. Сравнение его с наиболее ранним из дошедших до нас списков перевода (РНБ, ф. 550, Q XIV. 62), сделанным в 1808 г. (на с. 41, по другой пагинации 61 — писцовая запись: «окончена перепискою июня 24 дня 1808 года»), показывает, что Клушин значительно расширил роль Соломона, реплики которого превратились в публицистические выступления в духе идей Просвещения. Для более естественного включения одного из пространных монологов Соломона в действие пьесы Клушин добавил эпизод с ребенком. Ребенок спрашивает Соломона: «Отчего это ты царь, а я не боюсь тебя?» На что Соломон, лаская его, отвечает: «Оттого, что дети должны любить отца, а не бояться его. Я проклинаю те страхи, которые презрительная гордость владык сеет между царем и народом. Ежели я могу быть удален на минуту от моих любезных подданных, а они от меня, то низлагаю эту пышную, ненавистную мне корону. Когда не благодарение царя и не любовь народа поддерживает и украшает ее, она тогда недостойна Соломона» (д. 1, явл. 5).

Еще характернее другая написанная Клушиным сцена. Соломону докладывают, что один из подданных осмелился оскорбить его своими суждениями о несовершенстве законов и теперь находится под стражей. Соломон велит тотчас освободить его, «а на несовершенство законов сделать ему свои замечания. И ежели они с пользою граждан более согласны, нежели мои законы, я их завтра приму ⟨...⟩ Если он говорит правду, тогда достоин моего уважения. Если обманывается, то заслуживает наказания. Самое величайшее наслаждение царя простить и, если можно, никогда не наказывать» (д. 1, явл. 6).

В пространных монологах Соломона слышались отзвуки державинских наставлений царям — сохранять законы, помогать слабым, быть «на троне человеком» и отцом своим подданным («Властителям и судиям», «На рождение в севере порфирородного отрока»). Упрекая Элиофала, Соломон говорит: «Брат мой, ты преступник. Удалясь от трона, сошел в хижину затем, чтобы напасть на бессильную, немощную, рыдающую добродетель... Затем ли мы на троне, чтобы сеять преступления и пожинать слезы. Научись знать царя и человека. Чем блистательнее сан первого, тем преступления его ужаснее и вреднее ⟨...⟩ Когда трон царя — трон добродетели — тогда подданный не может быть ни зол, ни порочен» (д. 2, явл. I). «Трон, порфира, алмазы, столь блистательные, не сотрут лучами своими черных пятен в сердце. Думаешь ли ты, что умилительный голос бессильной, гонимой добродетели не слышен у престола всемогущего? Нет, мой друг! Будет время, в которое раздастся он сильнее грома, пламеннее мол-